Дмитрий Кирсанов. Стихи

dmitry@kirsanov.com

1989 — 90

* * *

Специфика случайных откровений
и хроника несбывшихся надежд.
Приверженцы учтивых словопрений
трактуют биографии невежд.

Но час настал. Пуск поезда возможен.
Растительность на лицах расцвела.
Простор небес сравнительно несложен.
И в каждом небе высится хвала.

* * *

На Лиговке обманчивость грустна,
дома глухи и сумрак неопрятен.
По стенам слёз, у сыро-дымных пятен
прозрачным эхом сна течет весна.
Но замысел души ее невнятен.

И в пыльных окнах отблески не знают,
что порождает их. Каков удел
нетронутости, равной тайне тел,
что, в души кутаясь, улыбчиво мерцают,
прощая всех, кто знает свой предел.

Чуть разнятся частоты двух дождей.
Больное небо щурится устало.
Вздох пасмурен. И прожитого мало,
чтоб полюбить пространственность людей,
плашмя бредущих сквозь тоску вокзалов.

* * *

Но сумерки. И плач больной звезды.
Поверь мне, ты не обойден бедою,
Как камень, обтекаемый водою,
Не избежит струящейся воды.

* * *

проблески просверки в прошлом не бывшие
или возможно не прошлого ждущие
может быть жизнь свою просто прожившие
может быть несколько позже грядущие

сумерки сумраки долгими ставшие
или так долго не нами ранимые
впрочем наверно всего лишь уставшие
тоже как все мы под богом ходимые

странно ли страшно ли дни озаглавливать
изредка лишь о веках соболезнуя
можно ли сложно ли стоп останавливать
или занятье сие бесполезное

* * *

Сидя в неправильной будке, расти
Помни, что мозг обитает в кости
Помни, что ветер всегда налегке
С теплыми снами в дырявой руке

Будь обозначен на карте ночной
Чтобы тебя не сложили со мной
Чтобы не вычли из нас эту ночь
Только тогда тебе можно помочь

Тогда ты вернешь незабытый восторг
Который ты в детстве у мира исторг
И мысли, проникнув в простор головы
Тебя назовут осторожно на вы

* * *

То, что я знал когда-то
Странно мне знать сегодня
То, что я где-то помнил
Странно мне помнить здесь

Икая на рельсовых стыках
Трамвай надвигается сонный
И жмется к заплаканным окнам
Предзимняя скудная весть

1990 — 91

* * *

Шумела пьяница. Стаканы вечерели,
спокойствуя на мусорном столе,
и ввысь текли. И небеса теплели.
И люди растекались по земле.

Простая музыка зачем-то приходила
И оставалась, — а потом ушла.
Наверное, кого-нибудь забыла.
А может быть, кого-нибудь нашла.

И день угас. И в мед втянуло ложку,
видать, надолго. Ложка в янтаре.
Сутулиться ты начал понемножку.
Немудрено, ты знаешь, в сентябре.

Застигнутый в молчаньи разговором,
осенний сад, вздохнувши, зашумел;
шумела пьяница, и все кричали хором,
а теплый дождь смеялся и летел.

* * *

Мой город велик и напрасен.
Похоже, он верит преданьям,
и, слушая экскурсоводов,
старается им угодить:

кряхтя, подновляет покровы,
сопя, примеряет обновы,
и, морщась, устало связует
времен полусгнившую нить.

И век отсидел себе ногу
на этом упрямом насесте.
Не может же быть, чтоб так долго
вершился божественный суд!

Но флэты еще беспечальны,
и стриты всегда предвечерни,
и толпы задумчивой черни
по стритам устало бредут.

* * *

Ночныя крыши, видимо, ночуютъ
Вѣстимо гдѣ, — а впрочемъ, не пристало
Подъ шумъ дождя о крышахъ разсуждать
И плакаться въ жилетки проходимцевъ:
Несчастны дни, къ которымъ нѣтъ возврата,
Несчастны. Да и были-ли они?

А хоть и были. Для чего? Не знаю.
Зачѣмъ вода тоскливо упадаетъ
На насъ? Не знаю тоже, и вообще,
Раздвинь, пожалуйста, вѣка возможно шире,
Чтобъ можно было вставить годъ-другой
Спокойной жизни; вѣчная проблема.

Дома, видать, не такъ ужъ далеки отъ истинъ.
Они растутъ: какъ пальцы изъ колѣнокъ,
какъ на заборѣ ржавый іероглифъ.
И некого спросить, улыбку пряча:
Что рыцари? Еще на Украинѣ?
Всѣ заняты — съ себя сливаютъ воду...

* * *

Охранный поворот. Полночная застава.
Румянится во тьме местечкина управа,

Туземные юнцы играют в беглецов.
Вчера им были пряники. И мамки без отцов.

Закутавшись, не верится. Ночные голоса, —
и только. Останавливать не нужно колеса.

Наверное, забудется. Дорога голодна.
И далека вершина, как глубоко до дна.

Охранный поворот, как талия, заужен.
Путь зарева. Гора. Охотник весь простужен,
двоится, но идет. И не идя, не нужен.

. . . .

...Да и не стоит, правда. Охранный поворот.
Случайный, озабоченный, невисокосный год.

Охранный поворот, — прости и пропусти,
как можешь, жизнь и боль зажав в одной горсти.

* * *

О странный мир похожий на условность
Тебе приносим в жертву телефоны
И холодильники родные как опята
Определенно движутся к тебе

Москва-река толпится у подножий
домов веселых нищих и бездомных
Бумажки все кидают ненарочно
и прочий мусор склонный к пестроте

Весь день тоска и нарастанье шума
Собака лает вечер сигареты
Заснуть нельзя бормочет кран на кухне
О господи мой город ты с ума

А воробьи щебечут на подножках
общественного транспорта и вскоре
отважатся на дальние поездки
Наверное действительно весна

* * *

Strike and go, baby-fly
No more wonders anywhy

Just be careful, done and gone
You infinity, me one

Now you see: it's time o'clock
Guess to have a real shock

Guess to make a real cry
No more wonders anywhy

* * *

Здравствуй

Я буду звать тебя «ты»

Окт. 1991 — 92

* * *

Как странно жить и знать об этом

Фонарь молчит и в ус не дует
Трещит тихонько и моргает
Смотри он правда нас не видит
Он будет долго до утра

Трамвай беги успеешь поздно

Шуршит газета под скамейкой
Вчерашняя как тыква в полночь
И ветра нет а все живое
Ах это я ее ногой

Пора метро до пол-второго

Вчера здесь были двое в шляпах
Сидели тихо без закуски
Не смейся им наверно тоже

Накинь прохладно   Без пяти

* * *

1.

Скрипят речные дни, открыты и печальны.
Пустые берега приветственно-причальны.
Настой из рыжих трав, блестит мое кольцо.
Весь год простые руки и мерное лицо.

Опала бликов длится. Танцует верный стих,
Заминкам улыбаясь, не называя их,
Плывет. Денек не к спеху, размерился в тепле.
Блестит весло на солнце и солнце на весле.

О пепельных лесах, безветренно плывущих,
О мире, о веках людей, в миру живущих,
О доме. Дай-то Бог, о доме в первый раз.
Зажмуренные веки, и не хватает глаз.

2.

Элита городов, весенняя распевка:
Пуста как полотно, сорвавшееся с древка,
Живет на нашем небе — ни охнуть ни вздохнуть,
Рассеянно плывущим расцвечивает путь.

Просторы незаучены, как воздух далеки.
В провалах домостроя синеют огоньки.
Одно осталось око: гляди не заглядись,
До боли одинока предутренняя высь.

Бессонница во лбу, как средоточье года,
Потешные флажки, — их невечна природа,
Им грустно, но они — лишь тени на снегу,
Растают и забудутся. А плакать я могу.

* * *

клубятся кошки по углам
рассерженной квартиры
тарелки рвутся пополам
курсивом: дезертиры
таких чахоточных дверей
на все бока полтинник
паркет придумал дикарей
придурок именинник
просыпать стену кулаком
достаточное чудо
забить засовы дураком
и скатертью отсюда

* * *

Подстрочник без названия, увечный городок.
И каемся и маемся, и дуем на песок.
И слышаны-наслышаны, нечаянная взвесь,
Как боязно не встретиться, пока роишься здесь.

Безобморочных радостей неловкие ловцы,
Примерочные хлястики, мучные бубенцы:
В ладонь блестящих камешков не спрятать головы,
Едва на выдох тянется нескладное увы.

А мы же незамучены, способны говорить,
Нас можно переписывать, но проще полюбить —
По совести стараемся не помнить, как слабы,
Латиницей рассыпаны по клеточкам судьбы.

ЭЛЕГИЯ

Здесь потолок, и мухи без билета.
Трюмо троит, знакомя с перспективой,
И, верно, помнит мебель поименно —
Друг с другом незнакомую. И вечер:
Сквозит окно усталым синим светом,
Как в первых снах, да чай — навек остывший,
С мушинками в стакане. Ненадежно
Твое житье, восьмое чудо света.
Беспечны разве что восьмые доли.
Из-за стены. Рукою человека.

Недолго — это осень в нашем доме.
Напрасно — это только так поется,
Любовь и смерть, да курят на балконе:
От солнца как не щуриться, его же
Весь мир и свет. Нетронутое эхо:
С покинутой земли родные звуки
Влетают в окна по пути на небо.
И не поверить, будто ненарочно,
Что мало нам осталось — перед снами,
За вечностью. Ни разности, ни сходства.
Как если бы вся мудрость в наше время,
Да и когда еще такие небеса.

Возьми да плюнь, ни радости не тратя,
Возьми да выгони столетие-разиню:
Не век манишкам пялиться. Умойся,
Да перейдет спокойное «недаром»
На жизнь от жизни. Повесть бесконечна:
От ветра только листья, только мусор,
Возьми же это в руки. Или в сердце.
Беззвучен свет, и музыке не страшно.

* * *

фонарь блестит не умолкая
в листве дрожащей чтоб согреться
ах это музыка такая
за стенкой джаз у горла сердце
глаза кричат без перехода
во тьму наставленную косо

у лба прохладная природа
стекло не видит дальше носа

* * *

подсолнечная река
бесшумные облака
смещаются по реке
слегка на вдох голубея
невидимая трава
раскинутая едва
вмещает себя и нас
не ведая впрочем где я

такими не вечно быть
кострам в тишине служить
не хватит того что ночь
зовется обычно нами
беззвучье живет в ночи
услышал и помолчи
построй возле жизни дом
с нетронутыми глазами

1992 — 1999

* * *

Чрезымянный пеплосед, деломеченые львинки,
Ереулками кустя, незадачки фехтовает:
Углухаюсь то ли сяк, еженечек недождуньям
Безумоздно нынченяю. И шутя языческает,

Дескать жрецкими гробами до мышляпы домутился!
Покаянные верлибры строхочу каждународно!
Что ли мало бормотуний до утруски доманало,
Или многими летями распорячиться угодно?

Ни за дурики, ни сдаром челюдей не разгляделать.
Так и преется, как двулка, через мраки и мудренья,
Блюденеет, ерепится… Как стращали умираки:
Лишь звеняки, только звучья, уловимые лученья.

* * *

Хихики поэзияют
Ощутимо до фигурик
И докуда поперёки?
Будто мне никак поехать

Я не цыганый не петый
Не восточ и не западан
Не гожу когда годится
Очень мало про меня

Ну и надо, ну и что ли
Про по тело прямо с вами
Отверните поперёки
Остаюсь особоюдным

* * *

я голословен — я богат
я баснословен — я сейчастлив
я речь ращу — сам-друг — сам-рад
я сам язык — начал участник

* * *

Не ровен и не час, но вдоволь насмотреться

Светает в областях, провинциях и окнах:
Голландия в душе, паркетом отраженной,
По нем же тень свершает полукружье,
По солнцу — исподволь, а против — не заметишь.
Портрета с рамой нет, но никогда же
И не было: осыпался, распался,
Не удался. Как лестнице перила.

Как незаметно выросли и стали
Опять детьми: как далеко поется
По вечерам, чтоб успокоить сердце

Не век и не земля, но легкими шагами,
Такими разными — ни выразить ни звука,
Ни оправдать себя, — свершается земное.
Так точно улица, нетронутая пылью,
Родившись где, на склоне посещаем:
Небес не выслужив, не выслушав, о боже,
Останется ли правнукам, потомство?

* * *

Он был парижский математик
И постоянно разбегался
И хохотал на тротуарах
Но добавлял пардон мадам

Ему соавторы кивали
А он кричал им трали вали
Но под трамваем оказавшись
Ну что ж — произносил — сдаюсь

И дети плакали открыто
От счастья. И стояло лето
И ласточки самозабвенно
Влетали с улицы в кафе

* * *

я европы слышал звон
мира памяти учен
мир есть речь кого-то с неба
он бормочет нас сквозь сон

* * *

так на закате гаснет лист
в окно влетевшее увядший

* * *

Наглядный мой, ау! Покуда кролик в шляпе:
Хотя и якобы, но движутся миры —
Поди, гармония? Нет-нет, ни слез, ни капель,
Сухие города выходят из игры.

Отправимся к прапням. Закинем ногу смысла
На ногу знания, — кто нынче не Лукулл?
Спасибо, ничего. Немного, впрочем, кисло.
Начало помню, слышал где-то — да заснул.

Ступай же не спеша, неведомый Петрович.
Не слышно ни шиша, как Парки бьется нить,
Погашен в мире свет. А солнечная горечь
На дне закрытых глаз — запомнить и забыть.

* * *

Как черная земля светлее неба
И голос мой полуденный негромок
Когда под снегом говорю с друзьями
И говорю: послушайте: зима

* * *

Метропоезд в темень свищет
Он гармонии не ищет
Он вперед себя бежит
Путь далек его лежит

Из-под реки замощены
В ширину переборщены
Вылетаху без запинки
На стекле неся картинки

Проводов переплетанье
Шестерен переключанье
Все контакты пляшут в такты
Подождите я боюсь

* * *

Я дерево построю из подушек
Я буду мудр, как гном среди простушек

Нас экивоки парами водили
А мы кричали будто пикадилли

Я камешек хочу, и полотенце
Я помолчу — а ты постукай, сердце

А сенешаль пошевелит ушами
Хорошие уша у сенешаля

* * *

…на молодом в ночи Европе-берегу

* * *

Дано: певучий мел
Отнять песок и скрип;
Добавить, как воздел
Вожатый певчих рыб

Смычок; как далеко
В лесу конец тропы;
Как вечно в небесах
Качаются столбы;

Взобраться, добежать,
Заплакать, что успел,
И вывести, шурша:
«Дано: певучий мел…»

* * *

отнеси мой день, эти песенки
незаметен сон, птичьи вестники

положи в просвет тельце ржавое
серый свет в песке, дно дырявое

переменишь бок, веки теплые
разошлись в реке звенья блеклые

от руки вода до далеких стран
отнеси мой день, станем жить с утра

2007 — 2008

* * *

Её платок был мил и мят,
а в темени цвели костры,
она была сестрой подряд
тех, кто не прятался сестры.

Она грустила, был платок
пилотка времени, стекло
скафандра времени, цветок.
Она смеялась — повезло.

Сестра-задача, я ответь:
из А и Б напополам
тебе дано, а мне звенеть,
бежать сквозь ночь по проводам.

Сестра, я ждал твой день, сестра.
Стекло и темень, свет и ток,
к утру проснёмся у костра.
Смотри, летит и пел платок.

* * *

«Евгения» похоже на «едва
ли гения» — незнайки, недотроги —
рисунок синий: лето, голова
в панамке, сны, и мама на пороге.

«Евгения» похоже на «жена»
и «Женя», будто нету в жизни горя.
Ты снова благородно рождена
и купана у северного моря.

Ю, джи — и я. Я тоже! Я Безье
к тебе тянул, сопел в стекляшку Цейса.
Евгения — глаза как ё без е —
на велике с горы свисти и смейся.

Евгения, ты ход котом: с е-два
на два-двенадцать, из детей в десятку.
В двузначном мире новая трава.
Теперь пиши слова души вразрядку:

Жирафы, вдальсмотрящие земли,
и лисий хвост, и греки (но без римлян) —
их кони-лошади устали, но несли,
читали, думали, а воздух был задымлен

кострами поздней осени. Твой лес,
твоё гнездо и дом, твои печали.
Собачий остров, ехопуть небес,
Константинополь — мы ли не искали,

не бегали за змеем, не срослись?
Её платок — он твой, и ветер мчится
по всей земле, даря живым — их жизнь,
тебе — мою. И сказка длится, длится.

2009

* * *

Will you, you will, my acquiescent love,
step up, breathtake, laugh at the quiet similitudes?
Openly waving, openly waving, dying,
a weary jester we're leaving behind: nothing.
And you know? In the middle of cuckoo-land,
glittering streams only babble in pauses,
floating quietly on time and pine,
barely a splash into a melic movement.
There, there, right after the "As I stand agasp,"
at the bottom of page, where the print is fading,
I hid my beleaguered fantasy:
like it's shady down there, and slow, and long long ago really.
What of it, now that we are suns away
and apart, openly waving, dying: was that you?

* * *

you perky cruft. You pinky throwaway
beseech my glory. Do me what I say
quit billowing on pretty. Enigmate
in no arrangement am I made to mate

at times bereft of idiocy. I
continue to bleed. I slide awry
me briny brawls attune and attest
as I montaigne in pure memetic zest

see. I am drenched in cascadian slush
all hops fade out. I (slash) meek to push
you keep forgetting. I keep getting for
unopened *we* returned to the store

just aqua—aether—tickling. Just a time
in which—if you are only—what am I